

Ольга Гуляева

Расплата

Ольга Гуляева

Расплата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27057326

ISBN 9785448587481

Аннотация

Расплата настигнет каждого... кто грешен. Тщеславие, необузданные страсти, ошибки молодости. Каждый заплатит за свое. Роман повествует о жизни Маргариты Рассказовой после «Затмения». Когда все встает на свои места, и безоблачному будущему ничто не может помешать, приходит время расплаты. Сумеет ли героиня не сломиться под бременем новых испытаний и достойно пережить надвигающийся апокалипсис, разлуку с любимыми и встречу с существами, которых никогда не должно было появиться на Земле...

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть 1	8
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	34
ГЛАВА 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Расплата

Ольга Гуляева

*К написанию данного романа я приступила
в конце 2009 года. В связи с этим прошу считать,
что все совпадения с реальными событиями
в жизни планеты и человечества за последние
годы – случайны*

© Ольга Гуляева, 2019

ISBN 978-5-4485-8748-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Вы никогда не задумывались, сколько еще времени отпущено нашей цивилизации? И вообще это предопределено или кто-то может контролировать данный процесс, например Бог. А может, сами люди подводят существующий мир на край пропасти?

Как понять гордится ли нами Создатель или ему стыдно наблюдать за своими запутавшимися чадами? Сколь долго он еще будет терпеть человеческую глупость? Насколько она компенсируется тем прекрасным, что есть у того же глупого человечества?

Что ждет нас впереди? Эликсир бессмертия, вечная молодость или пустота?

Создается ли у вас когда-нибудь ощущение, что по тем или иным причинам любой из ближайших дней может стать последним для нашей цивилизации? Или вы твердо убеждены, что на вашем веку конца света не случится, а дальше – гори оно огнем? Но можно ли позволить себе такую роскошь, когда у тебя подрастают дети, а вслед за ними появляются еще более горячо любимые внуки. И вот за них сердце начинает болеть еще сильнее, чем когда-то за себя самого. А что-либо менять уже поздно. Механизм самоуничтожения запущен.

По нашему мнению – то, к чему мы стремимся призва-

но сделать мир лучше, совершеннее, комфортнее для существования. На самом же деле это неумолимо приближает нас к концу.

Можно ли провести аналогию человеческой жизни и жизни цивилизации в целом? Человек на протяжении всего своего земного пути к чему-то стремится, совершенствуется, нередко добивается поставленных целей, но достигая апогея развития начинает медленно угасать, подчиняясь неким внутренним процессам неподвластным ему. В итоге он все равно умирает.

Может, так же дело обстоит и с цивилизацией – достигая наивысшей точки своего развития – она гибнет? И неважно от чего – от своих собственных изобретений, от космических влияний или по воле Божьей.

Почему я, малюсенькая песчинка современного общества, в далеком прошлом успешный модный обозреватель, затем известный дизайнер – сейчас снова села за свой старенький ноутбук, чтобы порассуждать на такие глобальные и утопические темы? Меньше всего хочется соглашаться с тем, что я просто неисправимая пессимистка. Потому что, должна признаться, еще задолго до событий, которые происходят последние два месяца, меня уже посещали мимолетом такие страхи. Вот, интересно, остались ли на сегодняшний день счастливики, которых мысли о конце света не посещают даже сейчас?

Может и остались. Но мне тяжело такое представить, по-

тому что я, как никто другой, была приближена к человеку, который, сам не подозревая того, и запустил этот механизм самоуничтожения. Хотя, Владиславу Жданову, моему бывшему мужу надо отдать должное – он искренне пытался добиться совершенно противоположенного эффекта.

Закрыв крышку ноутбука, я в очередной раз потерла красные, воспаленные от слез и недосыпания глаза и лениво поплелась в гостиную.

– Вить, ну чего там еще? – Обратилась я к сидящему в кресле перед телевизором свояку.

– Калифорния ушла под воду, – дрожащим голосом ответил он.

Часть 1

ГЛАВА 1

Удивительное ощущение умиротворения и покоя может приносить тихий весенний вечер, проведенный вместе с любимым за наблюдением общих детей, играющих на лужайке перед домом. Сколько ошибок порой приходится совершать по жизни, метаться, стучаться в закрытые двери, прежде чем приходит осознание того, что счастливым быть так просто. Казалось бы, естественные человеческие радости, но через сколько мне, Маргарите Рассказовой, пришлось пройти, чтобы научиться получать удовольствие от спокойных семейных вечеров.

Возможно, у некоторых на это уходит вся жизнь, но мне повезло. Я еще молода, полна сил и энергии и при этом абсолютно счастлива.

Уютный и чистый двор нашего подмосковного особняка располагал к расслаблению после тяжелого рабочего дня или длинной рабочей недели. Мы с Владом, удобно устроившись на скамейке, наблюдали, как Андрюша с Соней резвятся на детской площадке.

— Весна — самое неуловимое время года, — я решила поделиться с мужем своими мыслями, — Хотя и отпущено ей

целых три календарных месяца, но по-настоящему весенними могут оказаться всего лишь несколько дней. И если просидишь эти дни, не выходя из дому – то считай, пропустил всю весну. Сегодня как раз один из таких дней, – мечтательно улыбнулась я. – И я так рада, что мы проводим его все вместе, во дворе нашего дома.

Влад внимательно посмотрел на меня, улыбаясь, но в глазах его читалось недоумение. Он еще не до конца привык к моему вечно приподнятому настроению, которое сопровождало меня уже несколько месяцев, начиная с того самого дня, когда была проведена операция по снятию Затмения. К счастью, он относил перемены во мне именно на этот счет. Похоже, я заставила его поверить, что судьба базистов волновала меня настолько, что я не могла в полной мере наслаждаться своей жизнью, в то время как их находилась под «Затмением».

– Что же навело тебя на такие философские мысли, дорогая моя? – наконец поинтересовался Влад.

– Нормальные мысли, на мой взгляд, – кокетливо улыбнулась я.

– Может и нормальные, но не для столь ироничной натуры как ты, – с деланной подозрительностью посмотрел на меня Влад.

– С годами все меняется, милый, – я нежно провела ладонью по его небритой щеке. – Сонечка, осторожней! – предостерегла я дочку, забравшуюся на самую высокую горку. –

Андрюша, не обязательно играть на краю бассейна, – обратилась я к сыну.

– Если уж на то пошло, то должен признаться, что меня тоже посещают подобные мысли. Последние годы.... Да, и не только последние, ведь начиная с подготовки к операции «Затмение» я вообще не замечал смены времен года. Я мог сидеть сутками в лаборатории и не знать, идет ли на улице снег, дождь или светит солнце. А сейчас, глядя на наших детей, я вспоминаю, с каким восторгом и сам в детстве воспринимал смену времен года. Эти перемены действительно чудесны, а мы с возрастом придаем им все меньше и меньше значения.

– На то и существуют дети. Именно они не дают нам забыть о том, что действительно важно. Только с ними вместе мы можем пережить все то прекрасное, что переживали и сами когда-то в детстве.

Взглянув на часы, я тяжело вздохнула.

– Мне пора, – виновато высвободившись из объятий мужа, поговорила я.

– Как мне надоели все эти ваши мероприятия по выходным. Даже я освободил воскресный вечер для общения с семьей. – Недовольно откликнулся Влад. – Не хочу тебя отпускать.

– Я сама не хочу никуда ехать. Но я пообещала Паше. В его модельном агентстве очень важный показ. Я должна присоединиться к судейской коллегии. Пойду собираться, –

я аккуратно высвободила руку из ладони мужа.

Покидая тем вечером особняк, я испытывала какое-то очень тревожное чувство, схожее с чувством вины. Мне действительно частенько по выходным приходилось выезжать на различные светские мероприятия, связанные с моей деятельностью, но я всегда делала это со спокойной душой.

Едва выехав за ворота, я позвонила Павлу, как будто бы в надежде на то, что он скажет, что мое присутствие не обязательно, и я смогу спокойно развернуться и поехать домой. Но Бой лишь попросил меня поторопиться, чтобы не опоздать к началу показа, и добавил, что все ждут меня с нетерпением.

Тогда, отгородившись от гнетущих мыслей, я спокойно продолжила свой путь и пообещала себе, что на следующие выходные уже точно не буду планировать никаких мероприятий.

Я вернулась домой далеко за полночь, когда Влад и дети давно спали. Поборов очередной приступ вины, я проскользнула в спальню, залезла под одеяло и обняла спящего мужа.

Утром Влад уехал в Центр, не дождавшись моего пробуждения. Было досадно, поскольку я уже начала по нему скучать.

Вечером того же дня я решила пораньше вернуться домой. Продолжающаяся «весна» не располагала к долгому прозябанию в офисе.

Успев проскочить до вечерних пробок, в шесть вечера я

уже притормозила у ворот нашего участка. Первым, что насторожило меня, было отсутствие охранника в будке у ворот. Он редко покидал свой пост, и я даже не припомню случая, чтобы он не поприветствовал меня вежливым кивком.

Однако, отсутствие охраны никак не должно было препятствовать моему проезду на участок. Я нажала кнопку электронного пульта, но ворота остались неподвижными. Усмехнувшись тому факту, что не могу попасть в собственный дом, я достала мобильный и набрала номер Влада. Но тот оказался недоступным. Тогда я зачем-то вышла из машины и побродила вдоль забора, хотя прекрасно знала, что другого прохода на участок, кроме как через основные ворота нет. Ну не кричать же через забор, в конце концов.

Безуспешно набрав номер Влада еще пару раз, я догадалась позвонить напрямую в Центр. Жданов был еще на рабочем месте, и меня любезно с ним соединили.

– Да, – услышала я знакомый голос.

– Влад? Ну, слава богу! Что с нашими воротами? И где охрана? Я не могу попасть в дом.

Несколько секунд трубка молчала.

– Влад? – настойчиво повторила я.

– Тебе нечего там делать, – теперь голос мужа показался мне чужим и отстраненным.

– Не понимаю. Ты о чем? Что за шутки такие невеселые?

– Ты слышала меня. Тебе нечего делать рядом со мной и детьми. Уезжай оттуда, – после этих слов в трубке послы-

шались короткие гудки.

Что за бред? Что за глупые выходки? Я потопталась у ворот еще минут десять, но ничего не произошло. Влад не перезвонил, чтобы сообщить, что он просто пошутил, охранник так и не появился. Мне ничего не оставалось, кроме как снова сесть за руль и вернуться город. Я надеялась застать Влада на рабочем месте и разрешить это глупое недоразумение.

На проходной Центра мне сообщили, что мы с мужем разминулись. Он уехал домой не более пяти минут назад. Я решила отправиться обратно к дому, в надежде встретить Влада как раз у ворот. На обратном пути меня задержал плотный поток машин и у дома я оказалась, лишь когда на улице уже смеркалось. Меня встретили такие же неприступные ворота и пустующая будка охранника. Ситуация начала выводить меня из себя. Нервным движением я достала из кармана мобильный и в очередной раз нажала кнопку вызова. И вдруг в трубке вместо неприятного женского голоса, сообщающего на разных языках о том, что вызываемый абонент недоступен, слышались длинные гудки, а за ними и голос Влада.

– Алло.

– Влад, ты дома? – сдерживаясь из последних сил, поинтересовалась я.

– Нет, я еще в Москве, на встрече. Чего тебе нужно? Я же сказал тебе уезжать и не появляться больше в моем доме, – строго отчеканил он.

Я хорошо знала своего мужа. По его голосу было понятно, что говорит он на полном серьезе, а вовсе не пытается разыграть меня или проучить. Но что могло в один день так резко изменить его отношение ко мне? Уж точно не мой вчерашний поздний приход домой. Произошло что-то гораздо более существенное. Но что? И тут в моих висках бешено запульсировала одна лишь фраза – «Он все узнал?». Нет, этого не может быть. Я довольно быстро отогнала от себя эту дикую догадку, но в трубку спокойно проговорила.

– Нам нужно поговорить.

Было слышно, как Влад тяжело вздохнул и более спокойно, как будто сдерживая себя, проговорил:

– Рита, не сейчас. Не сегодня.

Больше этим вечером мне не удалось до него дозвониться. Сначала я твердо решила дожждаться его в машине, но потом подумала, что утро вечера мудренее. Не думать о том, какой ужасной может быть причина, по которой Влад так себя ведет, было все сложнее. Поэтому я решила хотя бы ненадолго отвлечься.

Вспомнив про приятельницу, которая жила в соседнем поселке, я набрала ее номер. Вероника уже несколько месяцев была постоянной клиенткой моего дома моды, и мы неплохо общались. А выяснив, что мы еще и соседки, она частенько приглашала меня на чай. Правда, я чаще всего отказывалась, но сегодня сама предложила скоротать вечер за бутылочкой вина.

Вероника пришла в дикий восторг от столь неожиданно-го предложения. Она была разведенной домохозяйкой с двумя детьми школьного возраста и хорошеньким особняком в элитном поселке, доставшимся от бывшего мужа. Поэтому тот факт, что на дворе стоял поздний вечер понедельника ее ни капли не смутил.

Она встретила меня в розовом шелковом халатике и в такого же цвета пушистых тапочках на каблуке, с идеальным макияжем и укладкой. Мне всегда было приятно смотреть на столь жизнерадостных особ, не заботящихся ни о чем, кроме своего внешнего вида, но я никогда им не завидовала. Такая жизнь казалась мне скучной и не наполненной глубоким смыслом. Однако, я была не прочь иногда послушать последние сплетни: когда и где открывается очередной модный салон, что, где и почему можно купить, а также прослушать краткий экскурс на тему того, где сейчас «водятся» самые мускулистые и загорелые фитнес-тренеры.

И сегодня я добровольно шла на то, чтобы принять на себя шквал очередных новостей. На самом деле, в глубине души я очень надеялась, что Вероника предложит мне остаться у нее ночевать. Сама я ей, естественно, не стала рассказывать о том, что мне больше некуда идти. А лишь намекнула, что до пятницы совершенно свободна, поскольку мой муж с детьми уехали в Европу на несколько дней. Цели я добилась, и даже с лихвой – Вероника предложила пожить у нее до конца недели, при этом подробно расписала график

мероприятий на каждый день. Я лишь улыбалась и кивала, а сама не могла отделаться от неприятной липкой мысли, подающей меня изнутри – «Он все узнал?»

Почти не сомкнув глаз за всю ночь, ранним утром я отправилась сразу в Центр. Как-то не хотелось мне снова топтаться без толку у закрытых ворот собственного дома.

Оказавшись у кабинета Жданова, я долго держалась за дверную ручку, не решаясь войти. С одной стороны очень хотелось услышать опровержение своих страшных догадок, но с другой – я до дрожи в коленях боялась получить обвинение в супружеской измене. Наконец, набравшись смелости, я толкнула дверь и уверенно вошла внутрь.

Влад не удивился, увидев меня. Взгляд его был полон пренебрежения. Я посмотрела на него моляще-вопросительно, не в силах выдать ни слова.

– А я думал, у тебя хватит ума, не являться за объяснениями, – начал он.

– Влад, что бы ни произошло, у тебя нет причин так обращаться со мной. Скорее всего, это какое-то недоразумение, и я пришла его разрешить. Мне, безусловно, нужны объяснения, – осмелела я.

– Забавно. Я-то думал, что ниже тебе в моих глазах падать уже некуда, но ты сейчас доказываешь обратное. У тебя хватает наглости заявлять, что ты не заслуживаешь такого обращения, а то, что натворила, называешь недоразумением, – невесело усмехнулся он. – Удивительно, насколько любовь

ослепляет – раньше я не замечал в тебе ни глупости, ни подлости. И еще трусость. Ты до сих пор не решаешься назвать вещи своими именами, боясь выдать себя раньше времени. Или ты меня переубедишь? Докажешь, что ты смелая и решительная, именно такая какой я всегда тебя считал, и сама мне во всем признаешься?

Я молчала. Пауза затянулась. Влад будто бы испытывал меня. А я корила себя за то, что заранее не предусмотрела такой вариант развития событий. Жданов никогда, даже в самые худшие времена не позволял себе такой тон по отношению ко мне. И я просто лишилась дара речи от его оскорблений.

– Я так и знал, – высокомерно заявил Влад. – Ну что ж? В таком случае, так и быть – расскажу тебе эту увлекательную историю сам. На самом деле, все раскрылось совершенно случайно. На прошлой неделе обновляли базу данных ДНК всех базистов. В процессе была обнаружена очень любопытная вещь. Настолько любопытная, что статисты даже обратились ко мне за пояснениями. Они спросили – как такое возможно, чтобы образцы крови двух пациентов совпадали с образцами одного из базистов. Сначала я не сильно удивился. Случалось такое, что мы лечили родственников – и скорее всего их анализы по неосторожности попали в общую папку, хотя, конечно же, неосторожности у нас случались крайне редко.

Я уже понимала, к чему клонит Влад и опустила глаза

в пол, на ходу лихорадочно соображая наперед, какое оправдание можно придумать. Получалось не очень, к тому же, с каждым словом Влада мое положение становилось все более безнадежным.

– Но гром грянул в моем сознании, лишь когда мне сообщили имя базиста, с образцами крови которого совпали образцы пациентов. И ты не представляешь, кто им оказался! – Влад сделал многозначительную паузу, – Наш общий знакомый – Жан Смольянинов.

Я стояла неподвижно, еле дыша.

– Ты даже не удивлена? – продолжал Влад. – Могла бы хоть изобразить удивление, – Ты же отменная актриса! Я за вчерашний день не раз прокручивал в голове сцены из нашей семейной жизни с твоим участием.

– Влад, перестань, ты же понимаешь, что речь шла о смертельно больных детях, – не очень убедительно заговорила я.

На этом месте Жданов меня прервал, и слава богу! Я, надеявшись отделаться малой кровью, решила постараться убедить Влада, что общались мы с Жаном исключительно на почве болезни детей.

– Да черт бы тебя побрал! – взорвался он, – Ты еще смеешь прикрываться благородством! Явно не это чувство двигало тобой, когда ты развлекалась в отеле со своим любовником за день до того, как привезла на лечение первого ребенка? Ладно, хватит. – Уже более спокойно сказал Влад. – Я не хотел с тобой это обсуждать. Я все это пережил еще вчера.

У меня ушла пара часов на то, чтобы восстановить цепочку ваших свиданий за прошлый год – сначала в отелях, затем на съемной квартире в Хамовниках. И ровно столько же времени ушло на то, чтобы навсегда вычеркнуть тебя из своей жизни.

Тут стало ясно, что ни одного козыря в моих руках не осталось. Он выведал абсолютно все и даже больше. Теперь мне не оставалось ничего, кроме того, как говорить правду. О том, что со всем этим покончено, что я искренне раскаиваюсь и люблю только его. Да, надежда все исправить еще жила в моей душе.

Однако Влад продолжал:

– Для меня не было проблемой отследить все твои передвижения за прошлый год. А вернее его. Ведь тут ты решила схитрить – сама нигде не светилась, гостиничные номера и квартиру снимала на его имя. Да, именно ты. Администрации отелей любезно предоставили мне и записи телефонных разговоров и видеозаписи с камер, установленных в вестибюлях гостиниц. Я слышал твой голос, когда ты бронировала номер, я видел своими глазами, как вы вместе летящей походкой заходите в отель. Удивительная штука – власть, – каким-то другим, наигранно веселым тоном воскликнул Влад, легко покручиваясь на своем кресле, – В течение каких-то сорока минут ты можешь получить ценнейшую информацию, которая способна навсегда изменить твою жизнь и мировоззрение в целом!

Ты заставила пережить меня все, что я чувствовал на базе, когда смотрел на вас. На какое-то время я вернулся в тот кошмар, а потом как будто озарение снизошло. Тогда я готов был терпеть многое – потому что знал, что лучшее впереди. А сейчас для меня стало очевидно, что все кончено. Иссякло мое терпение, опустела чаша любви. Все! Пусто! Но это не страшно. Я найду чем заполнить ее, но на этот раз уже точно без твоей помощи.

Я продолжала стоять напротив него, как провинившаяся ученица, но молчать больше не могла.

– Ты ошибаешься! Это не конец! Это – как раз самое начало. До этого мы с тобой жили в разных измерениях. Понятия о счастье у нас не совпадали. А теперь мы наконец-то нашли ту золотую середину. Да, я долго к этому шла и совершила немало ошибок, но я дошла! И у нас вся жизнь впереди, для того чтобы счастливо ее прожить. Ты же не можешь не знать, что со всем этим покончено? Навсегда.

– Да все я знаю, – небрежно откликнулся Влад. – Но говорю же тебе – это уже неважно. Все кончено. Уходи. Живи своей жизнью.

– У меня нет другой жизни, Влад. Только ты и дети!

– Перестань. Думала ли ты о детях в прошлом году? Вряд ли. Уходи, – еще более раздраженно подытожил Влад и принялся набирать чей-то номер.

Не дождавшись моего ухода, он начал вести разговоры по работе, перестав замечать мое присутствие.

Я потопталась на месте еще несколько минут, но в итоге решила удалиться. Выходя из кабинета, я думала о том, что возможно Влад еще находится в состоянии шока после увиденного и услышанного вчера. Возможно, нужно дать ему немного времени, чтобы он остыл и тогда разговор получится более продуктивным.

Я решила пожить у Вероники до пятницы, а в конце недели снова поговорить с Владом. Даже если он будет непреклонен, нужно как-то решить вопрос с детьми. Непозволительно, чтобы он лишил меня возможности их растить.

Но уже через день, в четверг я снова парковала свой Лексус у ворот Центра. Я взлетела вверх по лестнице, торопясь поскорее поговорить с Владом. Накануне я не спала всю ночь, а только мысленно прокручивала предстоящий разговор снова и снова. И собственные слова казались мне столь убедительными, что не терпелось как можно скорее донести их до Жданова, не растеряв по дороге. К тому же я очень надеялась, что за пару дней он, возможно, немного поостыл, пообщался с детьми, тоскующими по матери, и примет меня более благосклонно.

Но встретившись глазами с мужем, я поняла, что на благосклонность мне надеяться не придется. Тем не менее, я начала прямо с порога:

– Теперь ты как никто понимаешь, что любовь ослепляет. Я была слепа много лет. И слепота эта не приносила мне ни счастья, ни радостного забвения, а только лишь боль и стра-

дания. И то, что после всего этого мне потребовалось какое-то время чтобы прозреть – это благо, долгожданное спасение. Мне страшно подумать, но если бы тогда он снова не появился в моей жизни, то я, возможно, до сих пор тосковала бы по нему и так и не полюбила бы тебя так, как люблю сейчас.

– Рита, что ты несешь? – моя речь явно не произвела впечатления, по крайней мере, положительного, поскольку голос Влада оставался таким же жестким, а тон – пренебрежительным, – Ты призываешь меня благодарить судьбу за то, что было между вами все эти месяцы. Ты думаешь, что для меня настолько непринципиально каким способом заполучить-таки твою любовь?

– Когда-то так оно и было, – справедливо заметила я.

– Когда-то ты была молодой и свободной девушкой, не обязанной мне ничем кроме своей свободы, как бы это парадоксально ни звучало, – усмехнулся Влад, – А став женой и матерью ты лишилась возможности иметь такие поблажки. Неужели это не очевидно? В общем, не о чем говорить, Рита. Уходи.

– Подожди, – видя, как категорично настроен Жданов, я поняла, что сейчас продолжать гнуть свою линию бессмысленно. – Допустим, ты и вправду не собираешься меня прощать. Никогда. Но дети должны быть со мной.

Влад резко рассмеялся, и мне это очень не понравилось.

– Марго, говорю же тебе – о детях, как и моей любви нуж-

но было думать раньше. Ты и впрямь настолько глупа, что даже не понимала, чем рискуешь? Ты не догадывалась, что решив вычеркнуть тебя из своей жизни, я захочу вычеркнуть тебя и из жизни детей.

– Ну, это слишком жестоко даже для тебя, – ошеломленно, не веря своим ушам, проговорила я.

– Кстати, завтра же мы уезжаем. Я и дети. Говорю тебе специально, чтоб ты не жгла зря бензин, катаясь то в Центр, то в особняк.

– Куда? – сглатывая комок в горле, спросила я.

– Отвезу их в Европу, на курорт, сходим в Диснейленд. Смена обстановки сейчас не помешает. Им надо потихоньку привыкать к новой реальности.

Влад собрал со стола какие-то бумаги и направился к выходу из кабинета. Остановившись, он открыл дверь и предложил мне выйти первой.

– Я бы все отдала, чтобы поехать с вами. Пусть это будет последним моим шансом, умоляю тебя, – глаза мои наполнились слезами.

– Извини, но у этой поездки совсем другая цель, – отрезал Влад и вышел вон из кабинета.

Я, немного помедлив, проследовала за ним, но оказавшись в длинном коридоре, уже не увидела мужа.

Искать его и пытаться продолжить разговор я не стала. Со всем не было сил. Я чувствовала себя брошенной и опустошенной. Доковыляв до ближайшей кофейни, зашла внутрь

и опустилась на стул за маленьким столиком у окна. Ясная погода снаружи как-то очень резко сменилась на пасмурную. Небо заволокли серые тучи. Полил дождь. Я сидела и неотрывно смотрела на струи воды, бегущие по оконному стеклу, и это зрелище напоминало то, что творилось у меня в душе. Я вдруг даже испугалась, что этот дождь никогда не кончится, что он будет лить вечно, так внезапно он начался и так убедительно выглядел. Не знаю, сколько я так просидела и сколько чашек кофе выпила, но очнулась только лишь, когда принесли расчет и сообщили, что моя кредитка не активна. Я не удивилась и уж точно не расстроилась. Только тяжело вздохнула, расплатилась наличкой и покинула кафе.

ГЛАВА 2

Мне даже почти не пришлось врать Веронике, говоря о том, что муж и дети задержатся на каникулах еще на недельку. Слава богу, дружелюбная приятельница стала умолять меня остаться у нее. Правду о том, что муж выгнал меня из дома, говорить было непозволительно. Вероника не из тех людей, кто посочувствовал бы. Наоборот, она потеряла бы интерес к такой гостье. Статус брошенки совсем не привлекал ее в отличие от статуса жены самого влиятельного человека в стране. Но, несмотря ни на что, временное пристанище в доме Вероники мне подходило как никакое другое. Она ничего не спрашивала, не заостряла внимания на моем подавленном состоянии. Все что от меня требовалось – это только слушать ее монолог. Да даже и слушать не обязательно, главное – вовремя кивать.

Так я прожила у приятельницы еще неделю. И вот на исходе второй недели мне уже впору стало задуматься о том, куда идти дальше. Вопреки предупреждению Влада я все же наведалься пару раз в Центр и в наш особняк. В Центре я его действительно не застала, а охранник, наконец появившийся в будке у особняка (мой охранник, который раскланивался передо мной и расплывался в блаженной улыбке еще несколько дней назад), нехотя сквозь зубы сообщил мне, что *хозяйева* уехали.

Теперь я уже ясно для себя понимала, что вряд ли съехав от Вероники, вернусь в свой дом. В принципе, на улице я бы не осталась. Влад заблокировал лишь доступ к его счетам. Доходы от работы Дома моды по-прежнему оставались в моем распоряжении, и я могла без труда снять квартиру. Но от мысли, что придется жить одной в пустой чужой квартире, мне становилось не по себе.

В воскресенье вечером, так и не продумав план дальнейших действий, я собрала небольшую сумку с вещами, и, поблагодарив Веронику за гостеприимство, покинула ее дом. Сев в машину, подумала с полминуты и направилась в сторону города, впрочем, так и не спланировав окончательный маршрут. Остановилась я на Садовом у Дома моды, когда уже смеркалось. Усмехнувшись сама себе – раз уж ехать больше некуда, так и быть – я покорно вышла из машины. Сделала глубокий вдох. Воздух по-прежнему пах весной – завораживающей и многообещающей. Но не для меня. Теперь уже не для меня.

Устроившись в своем кабинете в удобном большом кресле, я задремала. Ни о чем думать не хотела или уже не могла. Слишком много передумано, слишком много выплакано. А здесь в своем рабочем кабинете, в своей маленькой крепости, из которой меня никто не выгонит, я могла ненадолго расслабиться.

Однако, наслаждаться получилось не очень долго. К полуночи затекла спина, я начала ворочаться, пытаюсь побороть

то ли ломоту в мышцах, то ли бредовое забытие, в котором пребывала, то ли и то, и другое одновременно. А спустя пару часов безрезультатной борьбы ко мне все же пришло озарение. Я поняла, где хочу оказаться сейчас же, сию же минуту. И как же я раньше не подумала? Хотя, наверное, я думала об этом, но просто не хотела расстраивать и пугать родителей своим появлением. Но, с другой стороны, разве может сейчас для меня быть какое-то место более подходящим, чем отчий дом? Что бы ни случилось в жизни – только там можно почувствовать себя маленькой девочкой, защищенной от всех невзгод, только там можно позволить себе дать волю чувствам и выплакаться на груди у любящих, все понимающих и все прощающих родителей. Твердо решив для себя, куда отправлюсь завтра же вечером, я уснула крепким сном.

Родные стены приняли меня в свои теплые объятия и не обманули моих ожиданий. Переступив порог прихожей, давно не видевшей ремонта, но все же чистой и ухоженной, я почти физически ощутила, как благодатное умиротворение наполнило каждую клеточку моего тела. Теперь все будет хорошо, теперь точно найдется верное решение, и все образуется. Возможно, это ощущение и было обманчивым, но оно согревало мне душу. Я вдруг задумалась о том, что за тринадцать долгих лет впервые воспользовалась этим надежным убежищем для души и тела. Так вышло, что в тяжелейшие моменты жизни это место было недостижимым для

меня. А теперь, оказавшись в этих стенах, так легко стало представить, что никогда не было аварии, судебного приговора, базы, Жданова, Жана, Затмения... И уж точно не было ужасного разоблачения двухнедельной давности. Вот мой письменный стол, за которым я делала школьные уроки и готовилась к поступлению в университет, вот платяной шкаф, в котором мама до сих пор бережно хранила мои первые наряды, купленные на скопленные с немалым трудом деньги, в том числе и мое выпускное платье. Как я когда-то мечтала вырваться в большой мир из семейного гнезда, и как, оказывается, бесценно иметь возможность сюда вернуться.

Родители не задали ни единого вопроса, что даже немного удивило меня. Неужели по моему лицу видно, что пока меня лучше вообще ни о чем не спрашивать? Усадили за столик на небольшой кухне, напоили чаем со свежееиспеченным пирогом. Как будто ждали гостей. Или, может быть, дома ждут всегда, каждый день, а мы и не догадываемся? – с нежностью подумала я.

Спустя пару часов, когда я в общих чертах рассказала родителям о кризисе в семье и попросила о возможности пожить у них и все обдумать, мама извиняющимся тоном сообщила что как раз на этой неделе они уезжают в оздоровительный санаторий по путевке и планируют пробыть там все лето. Я поторопилась убедить маму в том, что они могут ехать, как и планировали, потому что мне будет достаточно пары-тройки дней, чтобы разобраться со своими про-

блемами. В последнем я, конечно, вовсе не была уверена. Впрочем, отъезд родителей был мне лишь на руку. Я смогу жить в своей родной квартире столько, сколько понадобится и не тревожить при этом близких своим подавленным состоянием. Правда, опять же придется быть одной, но ничего, как-нибудь переживу.

Последние дни до отъезда я провела с родителями. И только проводив их на вокзал, решила снова нанести визит Жданову. По моим подсчетам он должен был вернуться несколько дней назад. Зная его, я сомневалась, что он покинет свою работу дольше чем на неделю.

И я не прогадала. Первое, о чем я подумала, зайдя в кабинет мужа и увидев его загорелым и посвежевшим это о том, чтобы обнять его и сказать, как я соскучилась. Я даже сделала несколько шагов навстречу, а губ моих коснулась легкая улыбка, но взгляд его светло-зеленых глаз, так выделяющихся на фоне загорелого и чуть обветренного лица, остановил меня. Я покорно опустила на стул, так и не достигнув цели.

Похоже, и это мое действие не пришлось по нраву Владу.

– Ну что еще? – сухо поинтересовался он.

– Как дети? – проговорила я, проглотив очередную порцию презрения в свой адрес.

– Лучше не бывает! Я оказался прав – они прекрасно восприняли новую действительность, – самодовольно ответил Влад.

Я даже не стала уточнять, в чем заключается новая дей-

ствительность в его понимании. Только тяжело вздохнула.

– Рита, – обратился он ко мне громко и недружелюбно, однако я вся напряглась и внимательно уставилась на него, – Тошно смотреть на роль жертвы, которую ты тут изображаешь! Не доводи до того, чтобы мне пришлось гнать тебя из своего собственного офиса. Уходи сама, по-хорошему.

Я отвела взгляд. Вовсе не это я надеялась услышать.

– Почему теперь, когда я действительно тебя полюбила, ты так жестоко отталкиваешь меня? – заговорила я будто сама с собой.

– Не тебе называть меня жестоким, Рита.

Получив ответ по теме, вместо очередной унижительной реплики в свой адрес, я оживилась и продолжила:

– Как ты не понимаешь, иначе эта история не разрешилась бы никогда. Я не оправдываюсь. Но мне нужно было пройти через это, чтобы не только умом, но и всей душой понять, что я люблю только тебя. Ты знал о моих чувствах к этому человеку и, тем не менее, создал со мной настоящую семью. А теперь, когда все в прошлом, когда мы, наконец, зажили счастливо, ты вычеркиваешь меня не только из своей жизни, но и из жизни наших детей.

– Рита, у меня был определенный запас терпения на первое время. Тогда я делал тебе много скидок и поблажек. Но это было очень давно. Последние годы я считал тебя любящей и верной женой. А ты предавала меня самым подлым образом. К тому же, тогда я был просто ослеплен любовью.

А сейчас я ничего не чувствую. Более того – я собираюсь создать новую семью.

– Значит наш развод дело решенное? – ошарашено спросила я, еще до конца не осмыслив реплику про «новую семью».

– Это дело сделанное. С прошлой недели ты не являешься моей женой.

Я было открыла рот, чтобы сказать, что этого не может быть: как же так – без моего ведома и согласия, к тому же так быстро. Но тут же осеклась, вспомнив, что для Жданова нет ничего невозможного. То, чем я гордилась в своем муже, так жестоко обернулось против меня же самой. Не в силах достойно переварить услышанную новость я спешно покинула кабинет с одной лишь мыслью – не разрыдаться на глазах у Влада. Тогда я еще наивно надеялась, что мои рыдания не станут неотъемлемой частью наших бесед.

Так я бродила по городу, приводя нервы в порядок, теряя при этом счет времени, не чувствуя ни тепла, ни холода, ни дождя, ни ветра. Лишь когда вечером я снова прибрела к Центру и коснулась своих щек, поняла, что они сильно обветрились от слез.

Мне, в общем-то, на данный момент было все равно в каком виде предстать перед Ждановым. Не терпелось выяснить, о какой же новой семье он упомянул. Как-никак это напрямую касается моих детей.

– Елена – детский психолог в центре, – снизошел до пояс-

нений Влад, наверное, немного сбитый с толку моим потрепанным видом, – Именно поэтому тебе не стоит волноваться за детей. Я попросил ее сопровождать нас в недавней поездке. Меня все же волновало моральное состояние детей, и я попросил Елену понаблюдать за ними, поддержать.

– Так, – внимала я, – А заодно она поддержала и тебя? Правильно ли я понимаю?

– Вот! – воскликнул вдруг Влад, – Она твоя полная противоположность. В ней нет ни капли того цинизма, которым ты буквально пропитана. В тяжелейший момент жизни ты будешь продолжать язвить и иронизировать. А у меня появился шанс познать другую сторону женской натуры – любящую, понимающую, жертвенную. И я, представь себе, не захотел его упустить.

– Влад, это жестоко. Несправедливо и жестоко. Так мало времени прошло. Не заходи слишком далеко, прошу тебя?

– А то что? Ты боишься, что не примешь меня после другой? Не волнуйся. У тебя не будет такой возможности. А даже если вообразить, что будет. Разве тебя это остановит? Ты знаешь, одно не укладывалось в моей голове – как ты со своей гордостью простила *его* связь с Жанной. Честно сказать, для меня это было гарантией того, что ты никогда не возьмешься за старое. Значит, такая сильная была любовь. А теперь мне интересно, что ты готова стерпеть ради любви ко мне. Ведь ты говоришь, что любишь меня.

– Я еще могла мириться с твоим презрением. Но ты уже

начинаешь просто издеваться надо мной, – процедила я.

– Рита, я тебя здесь не держу. Катись куда подальше и избавь себя от издевательств.

Такой итог разговоров повторялся раз за разом. Я выбежала из Центра вся в слезах, садилась за руль и бесцельно колесила по городу, захлебываясь собственными рыданиями.

Потом в течение нескольких дней приводила нервы в порядок и, обещая себе сохранять железное спокойствие, снова отправлялась в Центр. Благо сюда меня еще пускали. Что было довольно странно. Ведь Владу не составляло никакого труда распорядиться, чтобы вход в здание был закрыт для меня. Но, по-видимому, он нарочно не делал этого. Можно только догадываться, какое удовольствие ему приносили мои унижения.

ГЛАВА 3

Однако, в этот день Жданов смотрел на меня очень усталю, и просил оставить его, наконец, в покое. Он даже не грубил, а наоборот, каким-то успокаивающе-назидательным тоном просил меня смириться и не портить себе нервы. От такой беседы мне становилось еще хуже, чем когда он кричал и унижал меня.

Но этот визит запомнился мне навсегда совсем по другой причине. То, что я увидела тогда, потрясло меня как ничто и никогда в жизни. И если сначала я пыталась найти рациональное объяснение увиденному, то после пояснений Влада мне стало действительно не по себе. Наверное, в тот самый момент во мне и поселилась та темная необъяснимая тревога, которая долгие месяцы после этого случая только росла и крепла.

Когда я, понеся очередное поражение после беседы с Владом, уже готова была покинуть его кабинет, дверь в помещение открылась, и на пороге появилась молодая черноволосая девушка. Это была Карина. Та самая Карина, которая когда-то покончила с собой из-за несчастной и безответной любви к Жданову. Застыв напротив девушки, внимательно разглядывающей меня, я лихорадочно пыталась сообразить, что здесь происходит. Мираж? Наваждение? Захотелось тряхнуть головой, в надежде на то, что нереаль-

ная картинка вот-вот исчезнет. Но что-то подсказывало мне, что этого не произойдет. Ошибки быть не могло. Змеиный взгляд, недобрая ухмылка – все в ее виде говорило о том, что это именно та самая Карина, причем ни капли не изменившаяся за много лет. Она смотрела на меня с неким снисхождением, словно победительница на потерпевшую поражение.

Я сразу подумала о том, что она, судя по всему, знает о нашем разрыве со Ждановым. Но на смену этой мысли пришла более закономерная – как это вообще возможно, чтобы девушка умершая девять лет назад предстала сейчас передо мной живой и здоровой. Я перевела на Жданова вопросительный взгляд. Он выглядел немного растерянным и недовольным. Тот факт, что сейчас ему придется объяснять мне причины появления здесь Карины или кого-то как две капли воды похожего на нее, явно не радовал его. Однако он попросил девушку заглянуть попозже, а меня – присесть на стул.

– Значит, она не умерла тогда? – медленно проговорила я.

– Эх, Рита. Просил же я тебя не появляться здесь больше. Наверное, давно следовало дать распоряжение охране, чтобы тебя не впускали. – Влад встал и, засунув руки в карманы брюк, прошелся по кабинету. Радовало одно, выгонять меня сию минуту он явно не собирался. – Но, поскольку ты все же увидела то, что видеть тебе не полагалось, отпустить тебя без объяснений я не смогу. Не в моих интересах, чтобы ты проболталась кому-нибудь об увиденном. Поэтому слушай меня внимательно, постарайся понять и поверить.

Я уже подсознательно чувствовала – то, что я услышу сейчас, не придется мне по душе. Несмотря на то, что я давно привыкла доверять Жданову и перестала сомневаться в правильности его начинаний, порой мне все же становилось страшно. Страшно, что когда-нибудь Влад все же перегнет палку, и, окрыленный собственным успехом, сорвется с тормозов. По идее, все самые немыслимые открытия были сделаны в период действия Затмения, а после его снятия должна была начаться спокойная работа по их дальнейшему внедрению и распространению. Но что-то подсказывало мне, что на этом Жданов не остановится. И, теперь, слушая его, я понимала, что мои самые страшные опасения подтвердились.

– Карина действительно умерла девять лет назад, – продолжал Влад, – Та девушка, которая заходила только что в этот кабинет, является ее клоном. Однако, по сути, это та же самая Карина, с той же генетической и умственной памятью.

Раньше клонами назывались принципиально новые человеческие существа, точно воспроизводящие не только внешние, но и на генетическом уровне того или иного индивида, ныне существующего или ранее существовавшего. Так вот, если раньше человечество могло только надеяться на максимально точное воссоздание той или иной выдающейся личности, создавая для него максимально подходящие условия жизни, направляя его в том же направлении научной или

иной деятельности, что и его первоисточника, то теперь нам не нужно тратить на это время. Мы научились за невероятно короткие сроки с помощью ДНК воссоздавать человека на девяносто девять процентов идентичного оригиналу. То есть в данном случае – из памяти и мировоззрения прежней Карины, потеряно не более одного процента. В современных условиях нам достаточно несколько недель, чтобы взрастить клона, идентичного тому образу, в котором человек ушел из жизни.

Тут Влад поймал мой полный ужаса взгляд и недовольно поморщился.

– Я знал, что ты так отреагируешь. Ну, нельзя же быть такой старомодной! – рассердился он, – Прогресс идет вперед семимильными шагами! Радоваться надо! А ты смотришь на меня как на изверга.

– Нет, Влад. Я твердо убеждена, что есть различие между естественным прогрессом и вызванным искусственно. Так вот, искусственный принесет только разрушение. Что может быть неестественнее живого существа зарождающегося не в чреве матери? Ты сам-то хоть до конца понимаешь, кого производишь на свет?

– Во-первых, это не я придумал. Клонирование в той или иной форме уже давно стало частью нашей жизни. Правда, многие массовые источники создали у людей впечатление, будто человеческие клоны окажутся бездумными зомби, монстрами вроде Франкенштейна. Но все это – полная

чушь. Клоны человека будут обычными человеческими существами, совершенно как ты или я. В данном случае их не будет вынашивать обычная женщина в течение девяти месяцев, но только лишь потому, что у нас имеется возможность создать абсолютно идентичные условия для развития плода. А самое главное – увеличить скорость всех естественных процессов в сотни, тысячи раз.

Клонирование человека не имеет ничего общего с генной инженерией. При клонировании ДНК копируется, в результате чего появляется еще один человек, точный близнец существующего индивида и, следовательно – не монстр или урод. Генная же инженерия подразумевала бы модификацию человеческой ДНК, в результате чего может появиться человек, непохожий ни на одного другого, ранее существовавшего. Это предположительно могло бы привести к созданию очень необычных людей, даже монстров. Генная инженерия человека, имея большой позитивный потенциал, действительно очень рискованное предприятие, и должна проводиться только с величайшей осторожностью и под надзором. Клонирование же безопасно и банально. Если ты опасешься клонирования человека, то генная инженерия тебя должна просто ужасать. Хотя, справедливости ради должен заметить, что и ею мы занимаемся вплотную.

Многих гениев из разных эпох мы планируем возродить таким образом в недрах Центра. Это нужно для экономики, для демографии, для традиций, это только польза, тут вреда

никакого нет.

Я продолжала смотреть на Влада с нарастающим раздражением. Лучше бы таким успокаивающе – убаюкивающим тоном, он убеждал меня, что скоро я увижу своих детей, и все у нас будет хорошо. Но он продолжал самозабвенно восхвалять свое драгоценное открытие.

– Ты не хозяин мира, – продолжала вяло парировать я, – Пока еще существует и масса злых гениев. Тебя не волнует опасность утечки технологий клонирования в криминальные или международные террористические структуры? А насколько предсказуемы генетические изменения у этих клонов в долгосрочной перспективе?

– Ни одна сфера человеческой деятельности не свободна от случайностей. Клонирование человека – не исключение.

Происходит множество автокатастроф, крушений самолетов со смертельными исходами, сотни людей и десятки детей умирают в каждом происшествии. Каждый год много взрослых и детей давятся куриными костями и умирают. Однако мы не думаем о запрете на автомобили, самолеты или жареных цыплят из-за получаемой пользы, которая перевешивает риск.

Если самолеты были бы изобретены сейчас, а не сто лет назад, я боюсь, были бы серьезные предложения запретить полеты из-за риска травм и гибели людей. Было бы абсурдным запретить новые технологические достижения только потому, что они изначально не идеально безопасны.

– Насколько мне известно, Карина была похоронена на местном кладбище. Неужели уцелели фрагменты ее ДНК после стольких лет?

– Тогда я еще серьезно не задумывался над темой клонирования. Это направление получило активное развитие только в московском Центре. Но когда процесс был успешно запущен, первой о ком я подумал, была Карина.

Если образец ткани человека заморожен должным образом, клонирование можно было бы осуществить через длительное время после смерти. В случае людей, которые уже умерли, и чья ткань не была заморожена, клонирование становится более сложным, и до определенного времени технология этого делать не позволяла. Однако, для нас, специалистов по поистине невыполнимым задачам, решение этой проблемы было лишь вопросом времени. Теперь, когда мы смогли разработать метод для получения клона из ДНК уже умершего существа, перед нами открылись величайшие возможности.

Все ткани человека содержат ДНК и могут потенциально быть источником для клонирования. Перечень тканей включает человеческие волосы, кости и зубы. К сожалению, ДНК начинает медленно разлагаться через несколько недель после смерти, разрушая сегменты генетического кода. По прошествии шестидесяти миллионов лет только короткие фрагменты ДНК динозавров сохранились, поэтому шансы восстановить парк Юрского периода невелики. Однако суще-

ствуют хорошие шансы восстановления последовательности ДНК из образцов человеческой ткани, так как времени прошло существенно меньше. Представь себе генетический код как книгу, из которой с течением времени случайным образом удаляются абзацы или страницы. Если у нас есть только одна копия книги, полный текст не может быть восстановлен. К счастью, у нас есть больше, чем одна копия. В кости или образце ткани могут быть многие тысячи клеток, каждая со своей копией кода ДНК. Это подобно обладанию тысячами копий той же самой книги. Если страница 239 удалена из одной книги, эта страница может оказаться целой невредимой в другой, поэтому, комбинируя информацию из многих клеток, можно в точности восстановить исходный генетический код. Еще один обнадеживающий фактор – только небольшой процент из трех миллиардов символов генетического кода человека отвечает за индивидуальные различия. Например, генетические коды шимпанзе и людей на самом деле на 99% совпадают. Это означает, что восстанавливать придется менее 1% кода, то есть только ту часть, которая определяет индивидуальные различия между людьми. Еще совсем недавно это было теорией и за гранью человеческих возможностей, а сегодня уже осуществимо.

Сохранились пучки волос многих известных людей прошлого. Этот список включает Исаака Ньютона, Джоржа Вашингтона, Наполеона, Бетховена, Мерлин Монро, Элвиса Престли и Джона Леннона. Например, не так давно был про-

веден химический анализ нескольких волосков Исаака Ньютона.

Обнаружилось, что из-за его химических экспериментов они в высокой концентрации содержат мышьяк. До сих пор локоны волос были просто музейными экспонатами. С клонированием человека, которое уже стало реальностью, они приобретают много большую значимость. У нас появилась возможность клонировать великих людей прошлого из образцов их волос, тканей или костей. Мозг Альберта Эйнштейна сохранен в специальном сосуде. Нам известно местонахождение костей многих других известных людей, таких как Авраам Линкольн и Леонардо да Винчи. Нам следует предпринять соответствующие меры, если необходимо, законодательные, чтобы гарантировать, что образцы тканей выдающихся людей прошлого будут сохраняться от разрушения должным образом. Было бы желательно криогенное хранение этих образцов для предотвращения дальнейшего разрушения ДНК.

Перспектива клонирования выдающихся людей прошлого – крайне захватывающая возможность, и оправдывает наиболее интенсивные исследовательские усилия. Исаак Ньютон и Альберт Эйнштейн – два величайших ученых всех времен. Представь потенциал для научного прогресса, если эти два ученых будут клонированы и обучены в двадцать первом веке!

– А этого еще не произошло? – деланно удивилась я. –

А то я уже невольно сижу и жду, когда кто-нибудь из них зайдет в эту дверь!

Влад проигнорировал мое замечание.

– Предполагая, что они будут рождены примерно в одно и то же время, окажется возможным, чтобы клоны-близнецы Ньютона и Эйнштейна сотрудничали в научной работе! Только подумай, какие открытия могли бы сделать эти два великих ума, работая вместе!

Также можно представить, что значимые политические лидеры прошлого могли бы быть клонированы из пучка волос или из оставшихся костей. Имена, которые приходят на ум – Уинстон Черчилль, Авраам Линкольн, Теодор и Франклин Рузвельт, Джон Ф. Кеннеди.

Еще одна возможность, которую дает клонирование человека, может заключаться в частичном исправлении несправедливостей прошлого. Возможно, многие миллионы жертв Нацистских концентрационных лагерей могли бы быть клонированы для восстановления потерянных генетических ветвей. Клонирование человека обеспечило бы достойный и конструктивный ответ мировой еврейской общественности на Холокост. В России сохраняется серьезная озабоченность обеднением генофонда, вызванным Сталинскими массовыми расстрелами лучших и ярчайших членов общества. Клонирование могло бы дать шанс на новую жизнь людям прошлого, чьи жизни были несправедливо и преждевременно оборваны.

А что можно сказать о ДНК из Египетских мумий? Возможно, древние египтяне были мудрее, чем мы могли подумать, сохраняя свое тело после смерти.

Очевидно, что клонирование человека имеет громадные потенциальные преимущества и всего несколько возможных отрицательных последствий. Клоны человека могут сделать большой вклад в области научного прогресса и культурного развития. С каплей здравого смысла и разумным регулированием, клонирование человека – не есть нечто, чего нужно бояться. Людям следует ожидать его с волнительным предвкушением.

Вначале перед нами, несомненно, вставал вопрос – «опасаться дальнейшего клонирования» или «бросить все силы на продолжение проекта». Я поддержал вторую часть мнений. Давай вспомним те далёкие года, когда религиозные убеждения человека запрещали ему обращаться к врачам, а теперь человечество просто не может жить без лекарств и медицины, хотя существуют и по сей день люди, отказывающиеся от медицинской помощи. Пройдут года, десятилетия и клонирование будет естественным спутником человечества, так же как сейчас для нас медицина.

Ты понимаешь, что это означает – бессмертие как такое? Я так боялся, что много не успею на своем веку, а теперь у меня в запасе – целая вечность. И с тобой я могу поделиться.

Это досадное недоразумение, что ты узнала Карину. Мало

кто вне центра подозревает об этом открытии.

Я слушала в пол уха, сосредоточившись на том, как изменился тембр голоса Жданова, как дружелюбно он на меня смотрит.

В разговоре Влад казался мне более мягким: ни нападок, ни колкостей с его стороны. Но довольно скоро, я поняла, что столь дружелюбный тон обусловлен не тем, что его собеседницей являюсь именно я, а скорее самой темой разговора. Раньше у него было две большие любви в жизни – наука и я. Теперь осталось только наука. И была она настолько сильна, что перед ней меркла даже нынешняя ненависть ко мне.

ГЛАВА 4

Через пару дней, которые я провела, не выходя из дома, позвонил Паша и настоял на том, чтобы сегодня же вечером я присутствовала на фотовыставке, которую устраивал один из его многочисленных друзей.

– Марго, тебе надо развеяться. Я заеду за тобой.

– Не нужно, Паш. Я приеду сама.

Услышав бодрый голос Боя, я и вправду захотела привести себя в порядок и выбраться в люди. Хотя бы ради того, чтобы не сойти с ума от длительного пребывания в четырех стенах наедине со своими невеселыми мыслями.

Но проведя первые полчаса в просторной галерее, среди большого количества людей, увлеченных только своими собственными персонами и безразлично поглядывающих на меня, я снова заскучала. Выход в свет не возымел ожидаемого эффекта. Было время, когда я, как и все эти люди посещала такие мероприятия только лишь с целью показать себя и утвердить свою значимость за счет того, что являюсь «своей» в столь светском обществе.

Зачем я оказалась здесь сегодня – было непонятно для меня самой. Все мои мысли по-прежнему вертелись вокруг Влада и детей, я не переставала думать о том, как их вернуть.

Фотографии, развешенные по периметру галереи, не вызвали у меня ни малейшего интереса. Более того, картин-

ки расплывались перед глазами от то и дело подступающих слез.

Немного теплее на душе стало, лишь когда среди толпы я разглядела улыбающуюся и жизнерадостную Изабель. Она была как всегда свежа и хороша. Стильно одета, густые длинные волосы элегантно уложены. С ней я была бы даже не против перекинуться парой фраз.

Поймав мой взгляд, итальянская красавица едва заметно улыбнулась кончиками губ и, как будто нехотя направилась в мою сторону. Тут я заметила, что ее сопровождает высокая белокурая женщина. Такая же статная, как и сама Изабель, облаченная в длинный сарафан в стиле милитари, густые светлые волосы собраны в небрежную толстую косу.

– Привет, Маргарита, – мне показалось, что Изабель смотрит на меня с жалостью.

– Здравствуй, дорогая, – мне пришлось немного приподняться на цыпочки, чтобы чмокнуть ее в щеку.

– Познакомься, – как-то неуверенно, со смущенной улыбкой предложила Изабель, указывая на свою спутницу, – Это Елена. Маргарита.

Елена Прекрасная, как я нарекла ее с первых же секунд встречи, протянула мне для пожатия длинную мраморно-белую руку с такими же неестественно длинными пальцами. Не то чтобы она соответствовала моим понятиям об истинной красоте, но почему-то именно такой мне всегда представлялась героиня народных сказок. Правильные, практи-

чески идеальные черты лица, длинная русая коса, платье до самых пят – усиливали этот образ.

Впрочем, разговор с этими женщинами у меня так и не завязался. Тут же откуда ни возьмись появился Павел и с встревоженным видом отвел Изабель в сторону. Пока влюбленные выясняли отношения (так мне показалось), Елена не спускала с меня своих голубых глаз. Я же отошла чуть в сторону и сделала вид, что рассматриваю экспозицию.

Переговорив с Изабель, Бой подошел ко мне, взял под локоть и отвел в дальний конец зала.

– Паша, у вас все в порядке? – участливо поинтересовалась я.

Но Бой, как будто бы не слыша моего вопроса, заговорил:

– Марго, прости, что так вышло. Я никак не ожидал, что эта женщина сегодня будет здесь.

– Ты о чем? Что за женщина? Пашенька, дорогой, успокойся.

На Боя было жалко смотреть. Лоб его покрылся испариной, а руки едва заметно дрожали.

Теперь его взгляд был полон недоумения.

– Так ты не в курсе? – насторожился он.

Я молчала. Неприятное предчувствие закралось в душу.

– Ну что ж. Пожалуй, оно и к лучшему. В конце концов, действительно, кто если не я скажет тебе.

Вид у Боя сейчас был, наверное, такой же, как у врача, которому предстояло, глядя в глаза своему пациенту, объявить

безнадежный диагноз.

– В общем, эта женщина, Елена, – продолжал он, – Она является новой пассией Жданова.

Первое, что мне захотелось сделать – это рассмеяться Павлу в лицо.

– Этого не может быть, – убеждая то ли его, то ли саму себя, проговорила я, – Прошло всего ничего с момента нашего расставания. Нет, невозможно.

Я уже готова была развернуться и уйти. Не от Боя, а от неприятного и нелепого разговора, который тот завязал.

Но он остановил меня, аккуратно взяв за руку.

– Марго, я понимаю, как больно тебе слышать такие вещи, но это действительно правда. Она уже живет в его доме. – Тут Павел осекся, – В вашем доме...

Он виновато опустил глаза.

– И откуда тебе это известно? – я все еще смотрела на него с недоверием. – Или все уже в курсе? Одна я не знаю, что мое место в буквальном смысле заняла другая женщина.

– Нет, не думаю. Никто этого не афишировал.

– Так откуда ты знаешь? – я не заметила, что заговорила на повышенных тонах, – Вы что, уже дружите семьями? Ну конечно! То-то я и смотрю, с Изабель они как закадычные подружки!

– Нет, что ты! – поторопился меня переубедить Бой, – Мы всего один раз случайно встретились в ресторане. Так и завязалось непринужденное общение. Я и сам не знаю, когда

Изабель успела с ней подружиться, и зачем она ее сюда при-
тащила. Именно об этом я и спросил ее сейчас.

– В ресторане... – эхом повторила я, пытаюсь припомнить,
когда в последний раз Жданов приглашал меня в ресторан.
Затем, опомнившись, вновь обратилась к Павлу, – Изабель,
наверное, сказала тебе, что я сама во всем виновата. Да ты
и сам так думаешь, – перевела я на него стеклянный взгляд.

– А ты сейчас смотришь на меня как на предателя, – об-
реченно проговорил Бой.

Я не знала, что ответить. Сейчас мне действительно каза-
лось, что весь мир предал меня.

– Я понимаю, как эта картина выглядит со стороны. Но,
пожалуйста, не принимай все за чистую монету. Ты мне по-
прежнему дорога. Именно ты, а не Жданов и уж тем более
не эта Елена. И поверь – ни я, ни Изабель не беремся тебя
судить.

– Я, пожалуй, пойду, – только и сумела вымолвить я.

– Я отвезу тебя.

– Нет! – опять слишком громко ответила я. Несколько че-
ловек обернулись и недоуменно на меня посмотрели. – Нет,
Паша, спасибо, – заговорила я уже более спокойно. – Я сама
доберусь. Мне нужно побыть одной.

– Я не пущу тебя одну, – не унимался Павел.

– Паша, я прошу тебя, – я посмотрела на него так, что он,
кажется, понял – настаивать бесполезно.

Так и оставшись стоять посреди зала, он провожал меня

взглядом. А я, ни разу не обернувшись, покинула помещение.

Я до последнего надеялась, что Жданов просто хотел сделать мне побольнее, рассказывая про свою новую страсть. Я была уверена, что если б у него кто и появился, то он бы ни за что не стал афишировать это. А оказалось, что все на самом деле так, как он говорил, и я очутилась в такой глупейшей ситуации, а близкие мне люди почувствовали себя неловко. Нет, это не Елене не следовало туда приходить, это не она была там лишней, а я. Она как раз смотрелась там очень органично: под ручку с Изабель, во взгляде не напускающая заинтересованность всем происходящим вокруг. То ли дело я – бесцельно шатающаяся с бокалом вина по залу с безучастным видом.

Так, прокручивая в памяти события пренеприятного вечера, я на удивление удачно доехала до дома.

Ночь была ужасной. Я снова провалилась в вязкое забытьё. Голова раскалывалась от выпитого вина, в горле пересохло, а между тем одна неприятная картинка сменялась на еще более неприятную в моем сознании. Белые длинные пальцы Елены, смущенное лицо Изабель, взволнованный Павел, загорелый и желанный, но такой недостижимый Жданов, и тут же на смену его образу в меня врезался змеиный взгляд воскресшей Карины. Калейдоскоп этих картинок, казалось, преследовал меня несколько часов подряд. Дальше видения были еще хуже и мучительнее – Альберт

Эйнштейн, Авраам Линкольн, Исаак Ньютон и даже Адольф Гитлер – явились мне во сне, и каждый требовал, чтобы я поспособствовала их устройству в современном мире. Короче – полный бред! Не помню на какой из этих жутких картинок, но я все-таки проснулась. Меня трясло от холода, буквально зуб на зуб не попадал. Вряд ли такие последствия возможны после всего лишь двух выпитых бокалов сухого вина, скорее всего температурит – решила я.

Закутавшись в плед, я встала, чтобы закрыть все окна в квартире – мне казалось, так будет комфортнее, хотя сегодняшней майский вечер выдался по-летнему теплым. Разогрев молока в микроволновке, я вернулась с кружкой обратно в кровать и, укрывшись двумя одеялами, попыталась согреться.

Не помню, как все-таки уснула, но пробудилась в прекрасной форме. От ночного внезапного озноба не осталось и следа. В квартире, напротив, было очень душно, и я мысленно поругала себя, что закрыла все окна.

Однако уже через пару часов, когда я от нечего делать включила телевизор, причины моего ночного «недомогания» прояснились. По всем каналам говорили о том, что сегодняшней ночью был зафиксирован невиданный за всю историю метеонаблюдений перепад температур. После вечерних $+20^{\circ}\text{C}$ к двум часам ночи температура упала до -20°C , а к утру вновь вернулась на прежнюю плюсовую отметку. Естественно, в квартире, где отопление было отключено

на период летнего сезона, стало очень холодно, но мой затуманенный рассудок принял сие похолодание за озноб.

Прослушав информацию о плачевных последствиях ночного похолодания, я выключила телевизор и нервно заходила по комнате взад-вперед. Сложно было отделаться от подозрения, что это происшествие не случайно. Так уж вышло, что все, что в последнее время принималось мной за случайность и недоразумение, на деле имело самые пренеприятные последствия.

Предчувствие не обмануло. Через пару дней, когда внезапное похолодание уже почти перестали обсуждать, температура воздуха резко поползла вверх. За сутки воздух прогрелся до $+50^{\circ}\text{C}$. Новости снова запестрили тревожными сообщениями – людям становилось плохо прямо на улице, в наземном транспорте, в метро. В столичных больницах и родильных домах резко увеличилось число смертельных исходов. Число жертв представляло собой внушительную цифру – и скопилось оно за какие-то сутки, пока температура не вернулась на среднестатистическую для мая месячную отметку $+18^{\circ}\text{C}$. Но на этот раз уже никто не вздохнул с облегчением. Народ притаился и с опасением ждал, какой еще сюрприз приготовит природа.

А тем временем тревожные сообщения продолжали поступать и из других уголков страны и мира. Наводнение в Европе, невиданной силы смерч в Америке, землетрясение в Японии, извержение спящего то поры до времени мертвым

сном вулкана на Камчатке – это лишь самые громкие события за минувшие сутки. В последующие дни еще не раз фиксировались небывалые перепады температур по разным регионам страны. Не миновали они и Москвы.

Я же до поры до времени наблюдала за этими событиями как будто со стороны. Не знаю, сколько суток я провела, не выходя из квартиры, а лишь лежа на диване и с ужасом наблюдая за происходящими в мире событиями по телевизору. Жара, сменяющаяся на холод и обратно, мало волновала мою телесную оболочку. То ли обстоятельства, то ли я сама загнала себя в транс, из которого было сложно выбраться. Я ни с кем не разговаривала, не отвечала на телефонные звонки, и сама никому не звонила. Но телефон держала при себе в надежде, что позвонит Влад, хотя бы для того, чтобы сказать, что с ним и детьми все в порядке. Несколько раз я пыталась взять себя в руки и заставить покинуть квартиру, доехать до Центра или до дома, где остались мои дети. Но каждый раз падала без сил и проводила в полуобморочном состоянии еще невесть сколько времени.

Пару раз я позвонила родителям, чтобы узнать, как они чувствуют себя в нынешних условиях. Но до того места, где они отдыхали, природные аномалии, слава богу, пока не добрались. Кроме того, их сопровождала моя сестра Лена, которая наконец-то находилась в положении и решила тоже отправиться подышать свежим воздухом – и от этого мне было спокойнее. Ее муж Виктор остался в Москве, зарабатывать

деньги для молодой семьи, и, если бы не он – не знаю, сколько бы еще я просидела в четырех стенах.

Звонок в дверь вывел меня из длительного оцепенения. Последние дней десять, если не больше, людей я видела только по телевизору, а тут вполне реальный человек пришел навестить меня лично. Я поспешила к двери, хотя скорее всего мне лишь казалось, что я спешила, судя по тому, что в дверь продолжали звонить все настойчивее. Доковыляв, наконец, до прихожей, я повернула ключ в двери, которая сразу же после этого сама подалась мне навстречу. Я только успела вяло улыбнуться и сказать: «О, привет!». После чего так плашмя и упала в объятия свояку Витьке.

– Ритка, очнись, ты что пьяная? – я начала приходить в себя от легких пошлепываний по щекам.

Очнувшись окончательно, поняла, что сижу на кухонном стуле, напротив, очень близко взволнованное лицо Витька, внимательно меня разглядывающее.

– Нет-нет, что ты, – сообразила я. – Просто слабость такая преследует.

– А ты когда ела в последний раз? – Витек озабоченно оглядел кухню, лишенную всяких следов продуктов или готовки.

Я посмотрела на него как на спасителя, осознав, наконец, причину своей слабости и недомогания. Я просто ничего не ела!

Поймав мой растерянный взгляд, Витька недовольно по-

качал головой и закопошился в кулке, принесенном с собой. Извлек из пакета булку с творогом, бутылку кефира и протянул мне все это богатство.

– На, поешь!

Я возражать не стала. Витя тем временем заглянул в ванную, чтобы помыть руки и тут же, поморщившись, закрыл дверь.

– Марго, ты отравилась что ли? – поинтересовался свояк.

Я не сразу поняла, о чем это он, но по мере того, как заполнялся мой желудок, рассудок медленно прояснялся – я вспомнила, что меня действительно тошнило почти каждое утро.

– Вить, прости за бардак. Я сегодня же приберусь. Благо ты меня реанимировал.

– Да я помогу тебе, – деловито объявил он, – Потому что остаюсь. Мне, честно сказать, так не по себе стало в связи с последними событиями. Да что уж там говорить – страшно мне стало. А я один в пустой квартире, наедине с пугающей действительностью. Ленка пока возвращаться не собирается, да и нечего ей тут делать. Зато она меня обрадовала, сообщив, что ты тут, оказывается, одна живешь. Ну, я бегом к тебе, думаю – будем бояться вместе. Да честно сказать, мне бы с тобой и не страшно было совсем. Я так думал. Думал ты сильная, столько пережила, тебя такой ерундой не запугать. А оказалось, что ты решила себя тут схоронить раньше времени.

Я слушала Витька, простого, добродушного, но не отягощенного великим интеллектом, работягу, чудом попавшего в нашу интеллигентную семью, и мне становилось по-настоящему стыдно. Стыдно, что я не оправдала надежд этого маленького напуганного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.